

Сауле

Беккулова

кандидат искусствоведения,
доцент, член Союзов
художников СССР и Казахстана

МОЯ АРМЕНИЯ

Посвящается Себастьяну Киракозову

Навстречу Тебе

Вы знакомы с чувством захватывающим и нетерпеливым, когда только что ступили на землю, еще не знаемую? О которой наслышаны и много воображали еще с младенчества?

Тогда вы поймете мое ощущение щемящего восторга, с коим обозревала я зрелище, подобное театральному, с лоджии отеля «Ани». Как в старинном храме под открытым небом, ярусами поднимаются вверх улочки, карабкаясь по горным уступам и расцветивая собой эти подъемы с невероятной прихотливостью и старанием. Совсем как дети. Все цвета радуги, зажженные щедрым солнцем, вместились в это яркое зрелище жизни. Меж тем, бессчетные ряды домиков, утонувших в кущах зелени, радуют глаз и цветом кровли, и красками стен и оград, и каменными мостовыми, что разнятся по цвету. А издали воспринимаются пестрыми нарядными вьющимися лентами, как на девичьей головке. И словно бы улыбаются. Конечно же, вам!

Впервые об Армении я узнала по картинам легендарного Сарьяна, художника с мировым именем. «Мар-ти-рос» прозвучало, как аккорд органа, а с полотна сплясшими каскадами солнечных пластов наплывали горные ландшафты. Совсем как в моем Казахстане. Они, как кольца на руке красавицы, были унизаны звонкими алыми, рыжими, охристыми крышами жилищ, что упрямо лепились на склонах, взбираясь все выше и выше.

Много позже, уже учась в Питере, через прозу Андрея Битова и поэзию Осипа Мандельштама («дикая кошка – армянская речь») я ощутила истину, что забрезжила в сознании с детства. Битов свое знакомство с этой землей обозначил названием книги «Уроки Армении». И они тоже запали в душу. Но прежде... Крошечная территория страны гор, где камень должно было победить, дабы земля обратилась в дом и рай. На спинах горцев, что в корзинах поднимали ее по склонам и обращали каменную кладку гор в дома и сады. Немыслимо! Но – правда! А еще – геноцид. Это – история начала XX века, история уничтожения нации с целью полного истребления турецким войском.

Вот когда стала понятна картина живописца Суренянца «Покинутая». На вертикали полотна близко к зрителю, уронив на руки головку, босая, сидит возле храма, прямо на земле девочка в сиротливом одиночестве. Без кровавых сцен насилия

художник так показал цену человеческого горя, что зритель надолго останавливается, сопереживая. Музеи Армении не раз просили отдать им это национальное сокровище. Но картина и по сей день – в коллекции живописи Государственного музея искусств им. А. Кастеева. Здесь украшением и сокровищем стали произведения таких больших художников, как Мартирос Сарьян и Минас Аветисян. Великолепен и уже принадлежит истории «Портрет» юной казашки в стиле «ориентализма», утонченно-интеллектуальной и изысканной. Сходство очевидно. Это мою подругу, студентку ВГИКа, написал Минас. А параллельно или синхронно создал свой «Портрет киноведа» Салихитдин Айтбаев. Достойная конкуренция! Модель – та же.

Но это все – преамбула. Узнать Армению, или Айастан, Урарту, Ани нельзя по книгам, фильмам и реальным роликам Интернета. Ни по чужим рассказам, ни по письменным источникам. Хотя великие умы со времен Урарту и Айастана оставили в камне и резьбе, в древних рукописях звонкую летопись земли солнечной и священной. Знаете легенды?

Здесь Ной заново открывал страницы жизни землян после потопа, здесь среди гранитных гребней скал возделали цветущую землю деятельные и вольнолюбивые люди. Может быть, потому так ослепительно нарядна эта земля на полотнах Сарьяна и Аветисяна. Она напоена любовью и счастьем, круто замешанном на скупой слезе и поте вложенного труда, на вере. А храмы Армении стояли оплотом веры во все времена, даруя силы и свет.

Питер, Рома, Армения

И вот судьба сводит меня жарким летом поступления в Академию художеств Питера с одним из «конкурентов». Армянин. Амбиции зашкаливают. Поступал прежде в МГУ, теперь – сюда. Увы! Мне-то судьба улыбнулась, я – уже студентка. Счастливая, обессиленная и... растерянная. Друзья мои – «болельщики» разъезжаются, не поступив. А Рома так «свирепо» восторгался, что... неожиданный перевод из дома окончательно решил исход праздника, который «учинил» мой новый друг. Он повел меня к Неве, в ресторанчик на воде. И убедил прокатиться на «водном трамвайчике» (позже, в Венеции, я убедилась, что в Питере – лучше!). Невская волна, солнце на темной воде, бокал с вином за моих родителей, тихая музыка и танец – «за поступление». Как забыть? А еще – розы за бортом, все семь, что были в моей руке... Эта белая ночь осталась во мне праздником, который всегда со мной.

А письма шли и в Питер, и в Алма-Ату, и книги, и звонки, и приглашения в Ереван. Все – мимо сознания.

Пока сокурсница-подруга не сказала: стыдно не видеть Урарту собственными глазами, когда так зовут!

Сюрприз

Сорвавшаяся по воле мамы летняя поездка в Москву обескуражила. Вещи собраны, готовность № 1, а поезд ушел без меня. И, рванув в авиакасса, беру билет... в Ереван.

Помню слова Андрея Битова в «Уроках Армении» об истоках культуры и ее проявлениях в повседневности. Он был потрясен этой встречей, как с иноземцами. А я? Там живут мои друзья, там – люди «одной крови», как у героев Киплинга, там – дивной красоты женщины и мужчины, словно сошедшие с фресок старины. Наконец, там моя сокурсница по Академии художеств Ира и друг Рома. И еще друзья...

В тот же вечер вылетаю рейсом через Ташкент.

От Ташкента салон почти пустой. Задремав, услышала: «А вы – в Ереван?» Сломавшись в талии, ко мне наклонился красавец-стюард в белой униформе. Вежливо ответила: «А Вы?». Смешавшись, исчез и возник при посадке – сама любезность! – предложив проводить почтительно-виновато. Со смехом направила стопы к экспрессу.

В этот первый приезд, полная предчувствий и ожидания радости, не раздумывая, направились в центр города. Путь неблизкий.

И – вот она, легендарная площадь А. Таманяна, блестящего архитектора, создавшего генеральный план города и его звездную «пятиугольную» центральную площадь. Стройные, добротные, классической архитектуры здания образуют круг центра, «замыкаемый», вернее, соединяющий эту ширь пятью лучами улиц – проспектов. Круг фонтана зримо уравнивает глубину ничем не затесненного пространства под высоким, чистым бездонно-голубым небом. Вот – первое впечатление! Ослепительное! А прямо перед фонтаном – монументальное строгое здание серого камня – Государственный музей Армении. Я – у цели. Вхожу.

После осмотра залов спрашиваю у сотрудников об Ире Багдамян, научном сотруднике и моей подруге по учебе. Легкие быстрые шаги, выдох... «О, Господи! Ты?!?» кинувшись в мои объятия, всегда сдержанная, серьезная, моя Ирка едва не расплакалась. «Ты – с самолета? Тогда – ко мне. Вот так сюрприз!»

У Розы

И вскоре знакомит с Розой, миловидной женщиной, принявшей меня радушно. Думая, что это – тетя Иры, вела и чувствовала себя раскованно. Потом, много позже, выяснилось, что она – квартирная хозяйка. А я – на правах гостя – оказалась своим человеком в этом хлебосольном доме. И начались приключения.

С утра убегая на работу, Ира будила меня к завтраку. Разница в 3 часа поначалу была ощутима. Но дивные ароматы будили еще прежде.

«Ну, мы же не в Питере! – заявила Ира на вопрос, что это так пахнет. – Быстро и полезно! Учись! Берешь 2-3 крупных твердых помидора, нарезаешь толстыми ломтями и – на раскаленную сковороду. Лучше – со сливочным маслом. Потом – пару яиц и зелень: петрушку, укроп, щавель, можно – лук, если не боишься запаха. Ну, и чуть-чуть соли. Можно и без. Готово!» Действительно, максимум 5 минут и – трапеза на столе.

Расхвалив блюдо, решила тоже чем-нибудь удивить. Позже.

Роза с Ирой – на работе до вечера. Я лежу на кушетке, пытаюсь вновь уснуть. Вдруг протяжный вопль-звон: «Ма-а-цо-он! Ма-а-цон!». Прильнув к окну, вижу древнего старца с повозкой. На ней – огромный тяжелый сосуд. Поинтересовалась, можно ли купить «на пробу». Он с изумлением уставился на меня. Через окно втянула на подоконник тяжелую трехлитровую банку. Радуясь, что обеспечила семью простоквашей и благополучно забыв об этом, двинулась «открывать Америку!» в гордом одиночестве, как мне всегда нравилось.

Моя Одиссея

Еще в Питере от Ромки впервые услышала об Айастане, древних городах и памятниках: Звартноц, Эребуни, Гарни, Гегард... Конечно, об Арарате, Ноевом ковчеге, о поэтах и музыкантах древних времен. И – самое трудное – о геноциде.

А еще запомнилось: в центре города есть искусственное озеро, точно повторяющее очертания Севана. И – некрополи. Их почитают, как святыни. Там – очень красиво. И назвал один из них. Это после похода в Питере на Соколовское кладбище, забытое и скорбное.

Найдя площадь с Оперным театром, присела за столик у воды, любуюсь озером и окружающим умиротворенно-нарядным пейзажем. Рядом – никого. Потом возникли два молодых человека с ребенком. Хотелось пить. Официант не показывался. Жара быстро нарастала, и малышка начала плакать. Для меня это нестерпимо. Поманив ее к себе, заметила, что отец опешил. Но ребенок заулыбался. Взяв на руки, тихо сказала: «Айна-алайын, жылама!» То есть, «не плачь, милая». Она что-то пробормотала. Но я ведь не знаю ее языка. А официант, тотчас подлетев, спросил по-армянски: что желаете? Догадалась по интонации. Он спешно ретировался и тотчас вернулся с мороженым. Малышка сияла, уплетая свою порцию. Мужчины – уже по-русски – попросили за свой столик и забросали вопросами: кто, откуда, что хочу увидеть? Как зовут? Представилась. Это – мой первый самостоятельный день. А хочу? – назвала тот загадочный некрополь.

Измученно переглянувшись, они о чем-то договорились. Вернув малышку отцу, отправилась в обществе сопровождающего. На такси добрались до места очень скоро.

Перед глазами – огромный парк с густой зеленью: кипарисы, тополя, ели, березы, туи, цветы. Все благоухает под жарким солнцем. А рядом – полуобнаженные, загорелые до черноты спины молодых людей. Они везут каменные блоки и тут же их обрабатывают.

Углубляемся вверх по аллеям – ухоженным, чистым, нарядным. Мой спутник тихо говорит: «Видишь маленькие камни и цветы? Не все же могут такие монументы делать! – жест вокруг. – А это старушка сама выложила. По своему сыну». И, отвернувшись, замолк. Легкий шелест травы и ветвей под дыханием ветра, могучие стволы старых дубов, тонкие стебли и цветы кустарников – все вторит печальной и возвышенной красоте усыпальниц. «Это – хачкар, знаешь?» – «Да, древние надгробия армянских зодчих. Читала о них». – «А вот это – могилы двух любящих. Она – балерина из Киргизии. Он – отсюда. Танцевали в нашем Театре оперы и балета. Там, где мы встретились сегодня». Черный мрамор стелы с тонким абрисом лебедя и рядом – светлый обелиск. «О них у нас говорят: лебединая верность. Он не смог пережить ее смерть и вскоре тоже ушел из жизни». Я смотрела на эти памятники и дивилась столь ясной красоте и гармонии, что нет места горю и слезам. Только восхищение и благодарность.

Нечто подобное впервые я испытала в Риге, в мемориале памяти. Там потрясающей силы мраморные фигуры – подлинная классика ваяния, и аллеи с обилием деревьев. А здесь, в некрополе, я провела несколько часов. И вовсе не устала. Молодой человек сопровождал почти до дома и зачем-то пригласил в магазин. Благодаря его, узнала, что новые друзья – строители, у него – выходной, а друг отвезет дочку домой и вернется на работу.

Огромный пакет он вручил мне с улыбкой: «Это – тебе. Спасибо!» Ответить не успела. Из-за спины – негодующий возглас. Моя Ира, по-армянски отчитав, велела ему удалиться. Побледнев, затем залившись багровой краской, он быстро ушел. «Зачем ты так? Что ты ему сказала?» – «Пойдем домой. Что это у тебя?» – «Не знаю. Какая-то желтая ягода. Это он купил». – «Выброси немедленно!» Раздался голос продавщицы – она все видела и возмутилась.

Меж тем Ира выговаривала мне: «Не связывайся со всякими проходимцами. Знаешь, сколько их здесь?». И тут я взорвалась: «Что ты себе позволяешь? Да

знаешь ли ты, где я была весь день? И кто мне там все показал?» И назвала место. Ира, не понимая, все повторяла: «Где-где? Зачем? Что ты там делала? И он-то, он зачем?..» Наконец, в том же недоумении, оглянулась на продавщицу. Та улыбнулась мне сочувственно.

«А что это?» – решила спросить у нее, все еще держа пакет. И тогда Ирина, обняв, увлекла меня на улицу: «Да это же черешня, ну что ты, в самом деле?!» – «Да нет же, черешня – бордовая, совсем не такая. И у нас в Алма-Ате, и в Питере да везде!» Ирка, смеясь, протянула: «Ну, с тобой не соскучишься. Как ты меня напугала! Я мчалась с работы пораньше, отпросилась, а ты тут с этим, что-то воркующим...» Устало возразила: «Эх ты, да ведь он – замечательный человек, строитель, и друг у него...» Словом, изложила все по порядку, и горячий румянец сошел со щек подруги, уразумевшей, что никто из ее соплеменников и не думал меня обижать. Наоборот... Но этим не кончилось. Мне предстояло этим вечером еще не раз удивиться.

Поющий фонтан

Дома мы быстро перекусили и двинулись в направлении центра. Спросила: «А можно на трамвайчике?» Получив милостивое согласие, покатались. Вслушиваясь в звучание армянской речи, удивлялась: как напевность и переливчатость звуков смыкаются с гортанно-резким, рокошущим перепадом, точно разговор горной речки. А мне-то подобный говор знаком с младенчества, родилась в предгорьях Алатау и проводила с отцом многие часы и дни в пеших походах по горам.

Зачем понадобилось в поздний час взять меня к месту работы – об этом не задумывалась. В бархате ночи фонтан центральной площади ослепил глаз и слух. Мощные струи взмывали вверх, колеблемые будто ветром, и стройно ниспадали, трепеща, точно повинувшись палочке дирижера. А они действительно дышали в унисон с великолепной классикой – и европейской, и староармянской. И в этом пересверке струй, несущих прохладу и свежесть в горячий город, мерцали все оттенки радуги. И тоже – синхронно с движением музыки и силой струи.

Масса юных семей, молодых франтоватых папаш с колясками, с младенцами на руках, крошек-детей, что стайками и поодиночке бродили вблизи и на отдалении от родителей и стариков, молодежь – парами и поодиночке, семейные тандемы – все было погружено в лицезрение сей рукотворной красоты. Музыка, танцующие каскады воды и блаженные лица... Что за праздник души и тела!

Ирка моя была довольна. Как видно, она все поняла, видя мою реакцию. «Это наш мэр после поездки в Японию соорудил...»

Мы вернулись в ночи. Роза позвала на кухню. Позже, уже засыпая, я услышала сдавливаемый хохот. С этим провалилась в сон.

Блюда национальной кухни

Поутру, едва разлепив глаза, вновь услышала раскаты смеха. Это моя Ира с Розой качались, держась за бока, у холодильника. Подошла. «Саулик, ты хочешь, чтоб мы это ели весь год?» – «Но это же как наш айран, то есть простокваша. В жару хорошо...» – «Да, но не в таком количестве! Мацони нужно разбавлять водой, можно есть, можно пить, добавляя сахар, и утром, и вечером. Но не круглые же сутки?» И вновь засмеялась. «Тогда вылейте!» – рассердилась я, покидая кухню. Вслед раздалось: «Э-э, нет, так не пойдет! Ты будешь есть сама, ведь ты свободна, дома. А мы – на работе. Ну, а ночью – мы поможем. Идет?» Уже втроем хохоча,

мы мирно выпили кофе. Из настоящей старинной серебряной джезвы – так здесь именуют кофеварку с длинной деревянной ручкой. С пенкой и острым ароматом. Из настоящих, только что перемолотых зерен, прежде прогретых на сковородке.

Конечно, поинтересовалась главными, любимыми блюдами армянской кухни. Заодно перечислив наши бесбармак, қазы, плов, сорпа и бәліш. В ответ услышала: лучше самой попробовать, тогда запомнится. Этим же утром было подтверждение.

Вхожу в уютное кафе-стекляшку. Спрашиваю, что это острое жарится и так ароматно пахнет? И вот вежливый ответ: «Нет – это не жарится, это сырое мясо перемалывается с красным перцем и специями, очень острыми. Потом намазывается в длинные трубки». «А дальше что?» – «Все, можно есть!» – «Но, сырое мясо? И как это называется?» – «Лепешка – лаваш, а готовое блюдо – ламаджу. Не бойся! Попробуй! Ахиджан, тебе понравится!» Через миг решила.

Остро, до слез обожгло нёбо, затем – глоток кофе. Словом, понравилось очень. И никакой обед уже не нужен! А впереди – еще сюрприз.

«Парижский квартал»

Шагаю по улочке, мощенной булыжником, с обилием пальм, экзотических кустарников и роз, с разноцветными шатрами над столиками прямо на мостовой. Горделиво скользят меж них молодые люди с повадками юных денди, в ослепительных белых передниках и крахмальных колпаках на жгуче-черных шевелюрах. Вот поистине сценка из юности Хемингуэя в Париже. Тихо, уютно, привычно для завсегдатаев. Но я-то здесь – новичок! И глаз не оторвать от сего праздника: непринужденно сидящие с газетами, книгами или трубками, все эти люди чувствуют себя великолепно и... обыденно. А я вдруг осознаю: вот же оно, прямо передо мной, зрелище Монмартра. Поодаль примостились со своими мольбертами молодые люди, гривастые или побритые, в джинсе. Все друг друга знают.

Или здесь так принято? Улыбчиво принимать каждого, приглашая за столик, даже если он ничего не заказывает, кроме кофе, и всецело погружен в чтение или задумчиво взирает окрест с трубкой в зубах. Сравниваю с родным городом и огорчаюсь: у нас таких улочек с таким сервисом просто нет, хотя... Были... Алмагинская «неделька» на Байсеитовой с каскадом фонтанов и обилием скамеек, с чудо-сквером у «Театралки» – фирменным кафе близ оперного театра, или «Акку» – «Лебедь» у воды, где скользят по глади белые и черные лебеди, со столиками под навесом среди обилия акаций и сирени. Это – излюбленное место творческой интеллигенции Алматы. Без грома музыки и суеты. Тихо, поэтично, красиво. В самом центре города. С друзьями художниками и писателями привелось бывать там не раз.

Там тоже – кофе. Но – другой. А главное угощение – пломбир, мороженое – лучшее на свете... Отвлеклась в попытке сравнения.

Не решившись сесть за столик с незнакомцами – женщин не было! – прошла вглубь аллеи. И вдруг, бурно жестикулируя, кинулся мне наперерез некто. «Здравствуй! Это – ты, я узнал! Я – на старшем курсе, живописец, а ты... Как, ты здесь, в Ереване?» Молодой человек в очках и огненно-рыжей шевелюре ошеломил. Он куда-то звал, просил, объяснял... А я, оторопело глядя, не узнавала. Извинившись, ушла.

Но вечером, излагая события дня, услышала от Иры: «Ну что же ты? Он – классный художник! Дипломник. Напрочь закрытый человек. А ты!..» Ну вот, так нечаянно огорчила хорошего человека. И добавила – о своих ассоциациях с южными европейскими столицами – по романам классиков, о Монмартре и Хемингуэе. «Так ты заметила? – Ира расцвела. – У нас эту улицу зовут “Парижский квартал”». – «Да? И он тоже – рядом с сердцем города – площадью и музеем». – «Ну, словом,

это – элитный район. Но... Ты хорошо сделала, что не села там за столик. Одна. У нас об этом говорить не принято. Но все знают».

Ну что ж, значит, интуиция меня не подвела.

Бродя в центре по громадному скверу, утопающему в изумрудно-зеленых акациях и ивах, с множеством газонов, вдруг останавливаюсь. Прямо из высокой травы, пронизанной солнцем, мерцающей и просвечивая, возникает снежно-белый мраморный торс с утонченно-возвышенным лицом мыслителя и певца. Печаль и величие остановленного мига поэзии. Мелькнуло: «Неужели это – Саят-Нова?» Позже, уже в Алматы, убедилась, да, это – он. Автора не узнала. Великий поэт и просветитель, воспевший родину в трагические часы и годы жизни родного народа. Это – шедевр парковой скульптуры. Ею болеет более полувека вся Европа, как и наш Казахстан. Эти невольные сравнения сопровождали меня повсюду. И, конечно, более всего волновали воображение памятники культуры. Конечно, мне хотелось увидеть самые значительные.

Этика ресторанного бомонда

Что это такое – узнала в Ереване. Впервые.

Утром, после ухода Иры, бледная от напряжения Роза вдруг говорит: «Я в кафе работаю. А мой шеф – хозяин ресторана. Он меня уволит, если...» Выяснилось, что меня этот «шеф» видел и вот так решил пригласить на природу, в Агверан. «А что это такое?» – «О, это такое место в горах, очень красивое...» А глаза моей Розы полны слез. «Хорошо, мы поедem!» Думала, вместе с Розой и Ирой.

Но оказалось, что «шеф» уже ждет на улице. Ира – на работе. Розе тоже нужно в кафе. Выхожу из подъезда. Возле машины застыл в торжественной позе некий брюнет. Облачен в парадный костюм с галстуком. Приветливо улыбаясь, распахнул дверь. Шагнула к нему: «Это Вы – босс из ресторана?» Он рассмеялся: «Вы же – гость. Хочу показать Вам наш курорт. Недалеко. Через полдня привезу Вас обратно. Согласны?» – «А Вы изучали русский язык здесь или?...» Он расхохотался уже от души: «В Москве учился. Мои дети тоже там будут учиться! А жена – здесь. Хотите вечером к нам домой? Я позвоню ей. После обеда у меня работа. А вечером...» И я поехала.

Поразительно похожие на наши предгорья, эти пейзажи с невысокими горами и речками показались страшно знакомыми. «Здесь был наш профилакторий. Сотрудники отдыхали, лечились и работали днем. Потому что Агверан – близко от города, это удобно. Ну, сейчас все иначе. Но природа-то не изменилась...» Слушаю молча и не удивляюсь уже. Эти перемены произошли повсеместно. Увы, далеко не всегда безболезненно. Но говорить об этом совсем не хочется. Представился: Грант. Родился и вырос здесь. Теперь надо поставить на ноги детей: дочь и два сына. Наконец, остановка. Он усадил меня на широкую полосу ткани у воды, а сам устроился поодаль под деревом. Затем достал из багажника плетеную корзину со снедью. Лаваш, брынза, помидоры, огурцы, холодный шашлык. Предложил угощаться. И замолчал.

Слушая плеск воды, жужжание шмеля и шуршание кузнечиков, удивлялась. И думала о доме.

«Ахчик, о чем мечтаешь?» – Вопрос был неожиданным. – «О маме, чтобы она вот это все увидела!» – «Так тебе нравится здесь? Лучше, чем у вас?» – «Нет, не лучше. Но очень похоже. Красиво, и все, как родное...»

Вскоре в машине беседа продолжилась. Детей страшно любит. Часто бывает в России. Жена – дома, не работает. «Она у меня – красавица!» Мы рассмеялись одновременно. «Наверное, очень хороший человек, раз такого мужа воспитала!» Он даже затормозил. – «Как ты сказала, ахчиджан? Я ей передам! Вот это да!»

Алма-Ату он не видел. И я, конечно, предложила наши координаты, пригласив домой. А потом извинилась: на вечер у меня планы с друзьями. «А завтра?» – «Еще не знаю». И попрощалась с легким сердцем. Ира вернулась с работы веселая: «Едем. Быстрее собирайся. Там будут мои друзья-художники. День рождения. И тебя уже ждут». Мы тотчас отправились в дом-мастерскую Гранта Аветисяна. Шутки судьбы: точное совпадение имен мэна из ресторанного бизнеса и творца. Но об этом – позже.

А с ресторанным «бомондом» судьба свела снова следующим утром.

Ранний звонок разбудил Розу, и она, смущаясь, сообщила: ее «хозяин» ждет у дверей. «Зачем?» Но вчера он, взрослый человек, проявил чудеса галантности.

Вышла с намерением ответить любезным отказом. И что же? Дверцы двух машин распахнуты и незнакомые мужчины и женщины наперебой зовут меня. По имени. А главный герой, сияя, поясняет: «Это – мои коллеги. Очень хотят с тобой познакомиться. Поедем, ахчиджан! На Севан, на весь день!»

Словом, прибыв к месту примерно через 3,5 часа, вместо хрустально чистой воды и горного бриза вижу... Мы – на горе, близ легкого прозрачного строения под елями. Нас встречают. Дорогой стол в банкетном зале на верхнем этаже. Меня усадили на почетное место. Рядом – дамы в декольте и украшениях с господами в роскошных костюмах. Где я? Что это? Свежий бриз не проникает сюда, за стекло. Все очень пышно, помпезно и... удушающий запах рыбы. Помню: красная рыба, севрюга, диковинные салаты и – главное угощение – «королевская форель». «Это все специально для тебя, девочка!» – шепнула мне женщина в черном облегающем платье блестящего шелка. Она знала русский. Гости поднимали тосты за мое здоровье, за мой Казахстан, за мой народ и моих родителей. Все радовались, улыбались и были довольны. Всё – по-армянски. Да, все это застолье схоже с нашими, но я-то ехала в джинсах и блузе на природу, к прохладе и пространству над горами, к ветру с гор... Армянское застолье сей элиты ресторанных воротил было в полном фаворе. А я погибала от духоты и... так же тихо и доверительно была оповещена этой дамой, что это – ресторан «Интуриста» и он сегодня принимает только меня. «Гюрч» прозвучало как заклинание. Но у казахов «гость» тоже лицо священное, он почитается особо, как посланник Бога. Однако здесь и сейчас... Немея от ужаса, пыталась улыбаться. Заметила рядом дверь с лесенкой, ведущей вниз, на склон. Соседка сопровождала меня. Радуюсь, что никто не настаивает, чтобы я ела или выпивала вино.

Ступив на траву крутого спуска, оступаясь и спеша, пытаюсь отдалиться. Порыв свежего ветра оживил. Дама следовала за мной – видимо, ей это поручили. Наконец, сорвав ветку полыни, растирая меж пальцев и приходя в себя, призналась: «Жарко, нет воздуха, а от рыбы мне дурно... И я думала, что мы пойдем к воде. Ведь это же – Севан!»

Долго молча смотрела на меня эта женщина, и вдруг рассмеялась: «Саулик! Ахчик! Ты такой ребенок! Пойдем! Хочешь в город? Сейчас поедем!» И мы вернулись.

Оказалось, эта женщина и есть красавица-жена босса.

По дороге он извинился, попросил подождать и через несколько минут вернулся к машине с двумя большими бумажными пакетами.

А привезя к дому, протянул их мне со словами: «Это – маме твоей. Спасибо ей! Приезжай еще, будем ждать!» И написал адрес и телефоны.

Там оказались бутылки коллекционного армянского вина, по 2 – в каждом. Тяжесть! Один я оставила в доме Розы. Им с Ирой.

А мама приняла презент с улыбкой. Конечно, после моего повествования о сем приключении.

Друг – художник

Вот когда всплыли в памяти слова Хемингуэя о том, что отдых надо проводить только в кругу дорогих, близких тебе людей. Тогда это – отдых.

Я возвращаюсь к моменту, предшествующему этому знакомству с «горным бомондом». Благо, все так замечательно завершилось. Но камнем на сердце легла просьба Розы: ничего не рассказывать Ире. И я сдержала обещание...

Мы с Ирой едем по вечернему Еревану на такси, дабы не подводить гостей: время уже не терпит. Милостиво прощенные виновником торжества – худощавый черноглазый мужчина принял нас в объятья и ввел в дом. Там за длинным столом уже все собрались. Нас провели на центральные, почетные места, и трапеза началась. Приглушенный свет, свечи по углам, блики на множестве живописных композиций по стенам, ароматы домашней армянской кухни. И, главное «блюдо» застолья – все ждут рассказа именинника о поездке в Польшу. Он только что вернулся. Неспешно и с юмором он начинает: «Ну, вообще-то все очень просто. Я же был не один. От Армении – да, а там ребята из Москвы и Питера были. Но в гости к друзьям-полякам я ходил один. Почему-то. Так они хотели. Не знаю... Были в костелах, ездили на рыбалку. Побывал в Лодзи, Гданьске. Варшава не поразила. Наверно, слишком много ожидал. А ребята там отличные. Звали съездить в Париж, на машине, на пару дней. Говорят, там армян много, может, своих увидишь. Отказался. Зачем им проблемы со мной? А так все нормально. Классные ребята. И в домах у них мне понравилось. Умеют гостей принимать. Ну, почти как у нас. Я вот сейчас думаю – чего мы так рвались куда-то в Европу и дальше? Посмотреть, конечно, можно. А что дальше?» И повисла пауза.

А потом все разом начали задавать вопросы: а что там увидел необычного, а какие там женщины, а чем их церкви отличаются или похожи, какие у них нравы, обычаи, чего стоит их живопись, есть ли уровень, что они знают о нас... Этот поток длился и длился, а параллельно, коротко отвечая, хозяин успевал наполнять всем бокалы вином и соками из домашнего сада и приводил забавные примеры и эпизоды из поездки и из собственной биографии. Всем было уже очень хорошо. Градус веселья поднимался. А я с изумлением, наконец, заметила. Мне, одинолично, хозяин наполняет фужер шампанским, кажется, итальянским. Потом Ира, смеясь, объяснила: ну, ты же не пьешь. А шампанское в Новый Год и на день рожденья пригубляешь. Ну, я и сказала Гранту, так, на всякий случай. Вот это друг!

Слова тостов и комментариев перемежались со смехом и шутками. Дошла очередь и до меня. Все никак не хотели поверить, что я в Польше не была, и тихо подначивали. Ира выжидающе молчала, глядя на меня: поздно, пора, надо завершать. Тогда я сказала, подняв бокал: «Все желают здоровья и успехов хозяину и сожалеют о Польше, что так мало увидел. А мне думается: Польша и сейчас, и еще не один день будет вздрагивать, вспоминая – какой армянин ее навестил!» После паузы стол разразился такими воплями и хохотом, что Грант встал, прижал руку к груди и сказал, глядя на Иру: «Спасибо, дорогая! Вот это – подарок! Подруга твоя – наш человек! Спасибо!» – и посмотрел, улыбаясь, мне в глаза. Ах, как хорошо все это прозвучало, отдаваясь в сердце моем. Тихо, наклонившись, спросила: «Ир, а как мы такси вызовем?» – «Не бойся, все будет решено. Грант позаботится». Все стали подниматься из-за стола с сожалением, что поздно, пора домой, дети ждут, а здесь так здорово и хорошо всем.

Грант что-то тихо сказал Ире. Она кивнула. И мы остались в комнате одни. Хозяин вышел вместе со всеми. Звучала тихо музыка, мигали свечи, из открытых окон шелестел и благоухал сад... Радостное удовольствие. Боясь уснуть, спросила: «Ир,

мы что – останемся ночевать?» Расхохотавшись, моя подруга приобняла: «Ну что ты беспокоишься? Мы поедem...» Грант вернулся и предложил остаться. Ирка изумилась: «Завтра – работа, надо домой». И он, вздохнув, промолвил: «Хотел поговорить с вами. Ну, хорошо, пошли». Он отвез нас домой сам, на своей машине. Тепло простились. Потом Ира вручила каталог его произведений. Понравилось. Очень. А еще? Он вообще не пригубил вина, чтобы потом развезти по домам друзей в поздний час, чуть-чуть продлив «роскошь общения». Драгоценные часы и минуты.

На Севан. С Ирой и друзьями

Через день, выехав на рассвете, мы с друзьями Иры мчимся по горным перевалам. Конечно, за рулем – знающий человек. Это – Мэлс, крупный, молчаливый, спокойный. Сижу рядом. Другие сидят, шумят, обсуждают футбол. Матч, который нельзя пропустить – сегодня вечером. Слежу за крутыми перепадами скал по краю узкой ленты дороги вплотную к каменной стене, за тонкими стволами деревьев и замечаю на повороте узкую ленту реки на невероятной глубине.

Вода Севана сразила: чистая, голубовато-серая, хрустально-прозрачная и... ледяная. Точно как наш Иссык и Большое Алмагинское озеро. Под обжигающим холодом ветра и расплавленным жаром солнца, надышавшись у воды, но не купаясь и, конечно, не плавая, только слегка перекусив, поехали обратно. Уже перевалило за горизонт полуденное солнце. И вновь – споры о матче, советы водителю, бытовая шелуха. А Мэлс, с красными щеками и обгоревшими руками, рулит рядом. Он тихо признался, что искупался, слегка. Но вода – ледяная, прямо с горных ледников. И вдруг он, смертельно бледный, шепчет: «Дверь не открывай...» Мы нависли над пропастью, сбив дорожный столб. Одна мысль: «Что с Мэлсом?» Он не открывал глаз, словно заснул. Вина не пил, был спокоен. Так что же?

В Питере Ира обронила: «Помнишь Мэлса? У него, оказывается, сердце большое».

Пересев, наконец, на другую попутку, мы добрались до города. С Мэлсом остались ребята, заверив, что все будет в порядке.

Потом – на автобусе. Тесно, душно, жарко. Выпав из него, что делали пассажиры? Подбегая к передней двери, платили водителю за проезд. Есть вопросы? Но вот пора на выход. Дверь распахнулась, и я первой спрыгнула. Дикий звон и выдох за спиной. Ира, побледнев, увлекает прочь. Это какой-то негодяй сбросил с балкона пустую бутылку. Но никого, слава Богу, не задело. О себе я как-то не подумала.

На пути к храму

Поутру, скоро собравшись – было воскресенье – напоив кофе, Ира повезла меня куда-то. Экспресс был наполнен, но удивительно тих. Вышли, прошли вдоль глиняной старой ограды и попали в залитый солнцем дворик с низкими скамьями под шелковником. Следом за подругой спускаюсь в подвальное помещение с сильным запахом ладана. Ира показывает глазами. Ставим свечи перед образами. Молчаливые женщины осеняют себя крестом. Столь же тихо выходим наверх, под обжигающе горячие лучи. Вдруг ослабев, присела на краешек скамьи. Вокруг на земле перезревшие темные плоды шелковника. Я очень любила их в детстве. Рядом расположился смуглый молодой отец с малышкой. Она капризно требует что-то. Потом разворачивается и тянется ко мне. Отец смущен. Беру на руки, тихо говорю: «Цава танэм! Айна-алайын!» И она успокаивается. Передаю на руки отцу. Слышу вслед: «Чао!» Ира качает головой, я развожу руками. Не спрашивая – куда, следую за Ирой.

Фото на память и копия Овода

Медленно двигаемся по просторной, в высоких густых елях, соснах и березках, аллее. «Мы были в старой церкви. Она – только для своих. После вчерашнего это было надо. Но ты, как видно, не посторонняя... А теперь – в наш главный храм – Эчмиадзин. Увидишь сама...»

Тут из густых зарослей вынырнул тип с фотокамерой. Он бегал кругами жестикулируя. Наконец, обратился к Ирине просительно: «А можно я ее сфотографирую?» И остолбенел, услышав мое: «Конечно!» Сделав несколько кадров, успокоился: «Эти снимки – на память, бесплатно. Вышлю Вам. Можно адрес?» Смеясь, продиктовала. А позже, звоня из Питера, услышала: «Тут кто-то прислал фотографию твою. Почему-то из Еревана». Предложила вскрыть конверт. На фоне Эчмиадзина дочь стояла, сдерживая смех. Маме понравилось.

А здесь, на густо заросшей ельником аллее, оказалась вдруг одна. Ира куда-то ушла. Ввысь уносятся толстые стволы с густыми шатрами столь знакомого по родным горам ельника. Только красавица с голубой кроной, «тяньшанских», не видно. Тишина, густой полумрак, прохлада. Рядом – никого. А потом... Прямо передо мной – огромные, печальные вопрошающие глаза. Длинное черное облачение. Ну да, сутана. И алебастр бледной кожи тонкого лица. «Боже, как похож на Артура!» – обожгла мысль о герое Э. Войнич из «Овода». Я перестала дышать. Оклик Иры вырвал из транса. Уводя, тихо ворчала: «Стоят, как две статуи, и смотрят друг на друга. Тоже мне монах. Они здесь учатся, а ночью в ресторанах отплясывают.. Осторожней!»

Эчмиадзин

И повела к большим распахнутым дверям. Вошли. Тихая торжественная музыка. Вновь зажгли и поставили свечи, поблагодарив в поклоне. Запрокинув голову, не могла наглядеться на своды, богато расписанные, торжественные. Нет, это не капеллы Италии классического образца, не собор св. Петра или Сикстинская капелла. Но и не скупая протестантская простота аскетов. Роскошное цветное убранство с подавляющим обилием позолоты и густой плотной живописи. Кружат голову ладан, песнопения и множество молящихся. И вот воскресная служба завершена, мы прощаемся с собором и направляемся в парк. Долго бродим по аллеям. Наконец выходим на дорогу. А Ира вновь увлекает меня в какой-то зеленый рай.

Шашлык по-армянски

Замечаю краем глаза – никаких признаков объекта питания в обозримом пространстве. В ужасе понимаю: зверски голодна. И тотчас ноздри защекотал запах мяса. Спрашиваю: «Ира, у меня – галлюцинации, да? Ведь здесь не может быть мяса!» Тотчас из кустов вынырнула румяная голова в белом колпаке. «Почему нет? Есть!» И это был шашлык. Огромные сочные куски мяса нанизаны на шампуры попеременно с помидорами и луком. «Как у нас, только крупнее», – вырвалось у меня. Ира спросила, видимо, о цене. По-армянски. Он добродушно отвечал по-русски. И я воскликнула, изумившись: «Как это? У нас они – на всех углах города, а стоят в десять раз дешевле!» И ушла, разгневанная. Ира догнала меня: «Пойдем! Он зовет! А то обидится!» И я послушалась.

Через силу, стесняясь, попробовала. Бесподобный вкус! Аккомпанементом – волшебный чистый воздух, зелень, запах земли, травы...

Вытягивая из сумочки кошелек, сказала автору: «Sorry! This is – beautiful!» И добавила сердечно: «Шноракалутюн! Барэв дзес!» А он, покраснев до синевы, прижал руки к груди и, поклонившись, что-то сказал. Со смехом кивнув ему, Ира потянула меня в сторону: «Он сказал, что ты – гюрч. Это – угощение специально для тебя, гостя. Так что деньги спрячь!» – «Но я же не хотела...» – «Нет-нет, нельзя, пошли».

Волшебное слово «гюрч»

Нечто подобное было в фойе отеля на горе, где сквозь пластик стены я увидела фонтанчик воды в фойе. И устремилась туда. Едва коснувшись губами чудной родниковой воды, услышала чей-то голос. Это хозяин бара позвал нас. Так приветливо и учтиво, что подошли. Протянув фужеры с водой, что-то сказал. А вода – фруктовая. От платы – отказ наотрез. Ира нервно смеялась, повторяя: «С тобой никуда невозможно пойти». А глаза искрились юмором. Волшебное слово «гюрч»!

Мы спустились на фуникулере с горы, подошли к остановке. А рядом – длинный хвост очереди. Я взмолилась: «Больше не могу. Давай попьем. Там, кажется, квас». И пристроились в конец. Ира в стороне, на остановке. И вдруг... Словно ветерок прошел по толпе утомленных жарой людей. Меня попросили пройти вперед. Не понимая, подчинилась. Старик в белом переднике сидел у цистерны с громадной литровой кружкой в руке. Кивнув, протянул мне. Страшно смутившись, попятилась, оглядываясь на очередь. А в ответ – ласковые, понимающие улыбки... Словом, захлебываясь, стыдясь, с трудом одолела этот объем, утолив не только жажду. На мое «Шноракалутюн!» дед ворчливо ответил: «Гюрч, аревик!» И категоричным жестом отстранил деньги. Все засмеялись... И я – тоже. Вот это переполнило чашу терпения моей подруги: «Автобус! Саулик! Или ты останешься?» А я в ответ: «Навсегда!» Дружно грянул смех. И добрые напутствия – вслед.

А ведь и в Италии со мной нечто подобное произошло не раз. Та же сердечность, смешливость, отзывчивость. «Наверное, все южане сделаны из одного материала», – решила я с удовольствием. Думаю, не ошиблась.

Кофе по-турецки, или «Сквознячок»

Друзья мои, летчики, откликнулись на звонок сразу. Следующим утром все трое встретили меня на площади, где предшествующим вечером мы с Ирой вкушали чудо поющей и танцующей воды.

Поднявшись по той самой дивной улочке «Парижского квартала», мы отклонились в сторону и попали в затененное пространство: тихо, прохладно, свежо. Широкая арка современной многоэтажки, облицованной ракушечником – здесь его зовут туфом, обращена в летнее кафе с едва заметными перекрытиями. Розовый туф прекрасно гармонирует с зеленью. В Алматы это – баня «Арасан», здание Дворца Республики и пр. А здесь самое главное – пустое пространство, ведущее с улицы во двор дома. По нему гуляет ветерок. И всегда легко дышится, даже в дневной зной. Друзья объясняют: «Потому называется “Сквознячок”».

Мы чинно усаживаемся за столик – как раз на четверых. Неслышно приблизился юноша-подросток в белом переднике. Принял заказ и исчез.

Замечаю, что в глубине, откуда струится аромат жареного кофе, медленно движется несколько фигур в белом. Борис – штурман, элегантный и горделивый, неслышно ушел туда, а вернулся с загадочной улыбкой.

На столике возникли крошечные чашки для кофе. Следом – фужеры с водой – зачем? – и, наконец, принесли джезвы с пенкой по краю. Друзья мои приступили к

трапезе с видом вельмож, ответственно и чинно. А я? Сделав горячий глоток кофе, услышала: «А теперь – глоток вот этого». Ледяная вода свела зубы. «Следом – еще кофе, и снова – воду...» С ужасом делаю еще глоток – кофе, оказалось, совсем другой! Невероятно! Столько красок и оттенков, такой жгучий аромат! Задохнувшись, все же неспешно пью – и улетаю!

Поднимаю глаза, а возле стоит, улыбаясь, седой, как серебро, старик, и сам протягивает джезву к моей чашке! С вопросом в глазах. Я киваю. Наливает. Мальчик уже принес новой родниковой воды. И этот праздник нескончаем. Боже, какая красота! Хозяин этого элитного кафе и был тот седовласый Алладин. «Он никогда, никого сам не обслуживает!» – со значением и удивленно смеясь, говорили мне Борис, Игорь и Саша, провожая домой. «А ты действительно впервые так пила кофе, да?» – допытывались они. «Такой – да». – «И ты знаешь армянский, литературный? Ведь все у нас говорят «мерси», а ты...» – «Но ведь «шноракалутюн» – красивей, не правда ли?» И мы расстались, спеша по своим делам, ведь летом у летчиков – очень напряженный график. А я вспомнила, как состоялась наша первая встреча.

«Настоящие мужчины»

Конец августа в Алматы всегда жаркий. Поздняя прохлада лишь глубокой ночью, с горным ветерком – самал жел и легким бризом с юга. Канун моего дня рождения. Мама смеется: «международный праздник». Да, отовсюду – звонки, приезды, приходы, визиты. И это длится и длится всю осень.

Нигора, сокурсница моя по Академии художеств, еще в Питере заинтересовалась моим городом. Поговорив по телефону с ее родителями – член-корром АХ СССР художником Ахмедовым, папой, хрупкой мамой – музыковедом (мы познакомились в общежитии Питера) и получив одобрение, принимаю Нигору. Дома – проблема со спальными местами. Едем в ЦУМ. Приобретаем одну, затем – вторую – на всякий случай! – раскладушки, выходим на улицу. А сил нести – нет. И такси не видно. Я растерянно бросила моей изящной подруге: «Ну, что делать? Нет в Алма-Ате настоящих мужчин!» Внезапно рядом возникает некто в темной лётной форме и, положив руку на раскладушку, вопрошает: «Куда донести?» Смутившись, благодарю, отвечая отказом. Но нас уже не слушают. Их в проходящей мимо толпе оказалось трое: командир Игорь, штурман Борис и радист Саша – весь лётный состав. Подтянутые, стройные, серьезные, они ведут нас к проспекту, а... В такси с таким грузом не берут. Шествуем «на троллейбус». Через три остановки – прибыли. Но помощники требуют: донесем до дома. Затем, у подъезда, – до квартиры – третий этаж, не шутка. И когда хрупкая светлоглазая женщина, распахнув дверь, приглашает войти: «У нас – гости! Прошу! Заходите, пожалуйста!» – у новых друзей смущенно-растерянные лица. Но мама моя немедленно угощает их чаем и требует: «Обязательно проводи! Не зная города, в темноте, можно потеряться!» И я утвердительно киваю, только заметив, что уже стемнело. А Нигора моя в замешательстве смотрит то на маму, то на меня, то на летчиков. Дружно рассмеявшись, выходим на улицу. И признание: нарушив категорическое правило – не покидать порт резерва, они захотели одним глазом взглянуть на город и... встретили нас. «А один-два часа ничего не решают», – твердо сказал Игорь, и мы двинулись по благоуханному, овеваемому вечерним ветерком улицам центра. Все – рядом с домом, знаю с младенчества. И Нигора, идя рядом со мной, молчала, глядя во все глаза. А друзья незаметно, шагая мимо Оперного театра, Дома дружбы, Академии наук, гостиницы «Казахстан», Дворца Республики, восклицали с удивлением: «Да-а! Вот это – да-а!» И попутно говорили мы о любимой музыке, о других городах, о

семьях. У Игоря – жена Кнарик и двое мальчиков, у Бориса – один, Саша – не женат. Общаются в Ереване домами. Малыши тянутся друг к дружке. О Питере, Эрмитаже, Русском музее, о музее Кастеева в моем городе, о Москве... Наконец, Борис сказал, что – поздно, девочкам, наверное, пора домой. О, ужас! Уже – полночь. Так, проводив до дверей, мы прощались, обменявшись координатами. И я пообещала обязательно прилететь в Ереван, хотя... Неисповедимы пути Господни. Но вот я – здесь, в столице Армении, а друзья чудом – в городе, и встреча состоялась. Тогда после моего рассказа мама тихо сказала: «Да, настоящие мужчины!».

Рома в Ереване

Ира ошеломила меня вопросом: «А почему ты ничего не говоришь о Роме? Вы виделись?»

И я, сконфуженно покраснев, призналась: «Да нет. Потом ему напишу». – «Да ты что, с ума сошла? Какой же ты друг? Это же – смертельное оскорбление! Быть в городе, рядом, и даже не позвонить, не увидеться! Немедленно сообщи ему!»

Вот такие у нас «восточные слабости». Я вообразила, что появление в родительском доме неженатого друга будет сочтено вольностью или непочтением к старшим и... Оправдывалась перед Ирой, все более смущаясь и запутываясь. Она стояла стеной.

Словом, я позвонила. Вечером следующего дня он примчался. Ошалело смотрел и наконец изрек: «Мама так ругала меня! “Бедная девочка, совсем одна в городе, а ты даже не встретил ее”. А я ведь не знал... Ты же не предупредила. Кстати, почему?»

Мы бродили по городу, он что-то рассказывал, расспрашивал... Но это было во все не то, что в Питере в мой «триумфальный год» поступления в заветный вуз.

Однако в Музее старинных рукописей – знаменитом Матенадаране испытала нечто. Месроп Маштоц, великий создатель армянского алфавита, запечатлен в темном граните у монументального строения необычайной конструкции. Два пандуса стрелами уходят к верху композиции, венчающей вход в храм. У изножья крупная монументальная фигура, словно выплывающая из массива серого камня стены и пандусов, великолепно «вписана» в абрис современного строения, решенного архитекторами в стиле древней крепости. Много и долго изучая историю культуры Армении, увидела эту скульптуру тогда впервые. Гармония и соразмерность. Внутри здания – все функционально, сверхсовременно и благообразно. Великолепны витражи. А здесь, снаружи, спокойствие и величие гения национальной письменности не подавляет ни масштабностью объемов, ни обобщенной моделировкой. Но – вселяет уверенность и покоряет добротой, детской незащищенностью веры и светлой улыбкой.

В этот закатный час, спускаясь по пандусу, мы замолчали. И вдруг Рома вскрикнул: «Смотри! Птичка!» И тотчас воробей сорвался в полет. Смотрю на памятник. Ученый восседает, подняв палец правой руки жестом пояснения и благословения. И на кончик пальца, как улыбка ребенка, опустилась птица.

Конечно, рассмеялись.

Доктор из Питера

Рома познакомил меня с родителями: высокий седовласый отец и улыбчивая круглолицая мама. Сразу возникла симпатия, стало легко. На бесконечные телефонные звонки отец Ромы отвечал: «У нас – гость, друг Ромы». И никого

не приглашал. Я удивилась. А он, оказывается, не хотел, чтобы кто-нибудь помешал.

Улыбчивая мама-хозяйка, заведя меня в кухню, с интересом и юмором выпрашивала обо всем. Я отвечала с удовольствием, а она потчевала меня компотом. Жара. Он – холодный, все замечательно. Рассказала об учебе, о Питере, об Алма-Ате. Тут взъерошенный Ромка ворчливо спросил, врываясь: «О чем это вы тут, без меня?» Я тотчас ответила: «Только о вас, ваше величество!» На что мама звонко рассмеялась: «Ага, получил? Не мешай!»

И в этот момент кто-то, позвонив в дверь, вошел, шумно извиняясь за неожиданное вторжение. С сединой на висках, стройный, высокий мужчина лучился юмором. Друг Ромы, здесь впервые, наслышан обо мне. Ромка явно удивился и смутился. И бросил мне: «Это – доктор из Питера». Но что-то в этом друге было так притягательно и надежно, что я согласилась – он сообщил, что нас ждет машина и надо срочно ехать. Ромкины друзья, конечно, с нами.

Мы, почти вповалку, устроились на заднем сидении и тронулись. Машина натужно стонала, карабкаясь вверх, мы посмеивались. Высыпали наружу. И оказались под звездным куполом, на горе. Рядом, в свете луны – небольшие корпуса зданий в зарослях сирени и кустарника. А перед нами – добротные классические парковые скамьи. Нас – семеро. Ромин друг представился: «Доктор, хирург. Эдуард Никитич. Сейчас – ночное дежурство. Мое. Располагайтесь». Мы разместились на скамейках. Радуясь свежему ветру, ночи, грядущим приключениям... Всем было страшно весело и хорошо. Но – час поздний. Около одиннадцати ночи. А в корпусах больные, спят, значит, будем соблюдать тишину, пока доктор куда-то скрылся. Но не тут-то было! Мы то и дело срывались на смех. Вернувшись, доктор сказал: «Ты уж извини, Сауле, но шутить удобнее на родном, так что...» Я среагировала: «Но ведь нет ничего лучше музыки родной речи! Слушать юмор «в переводе» неинтересно. А вы продолжайте! Я слушаю с удовольствием!». Все зашумели и продолжили.

Позже меня ребята спросили: «А вы... А ты что знаешь?» Смутилась. Доктор сказал: «Не стесняйся. Расскажи. А потом я что-то скажу». И я, осмелев, начала: «Тогда извольте, анекдот. Но он – длинный. И – международный». Все притихли. Звенели цикады, шелестели ветви.

«Итак... Один немец – кружка шнапса. Два немца – бочка шнапса. Три немца – мировая война.

Один француз – поэт. Два француза – дуэт. Три француза – французская революция.

Один русский – стакан водки. Два русских – литр водки. Три русских – восстание.

Один грузин – герой. Два грузина – поединок. Три грузина – «апельсин-мандарин».

Один армянин (тут я сделала паузу) – гений! Два армянина – ссора. Три армянина... Не бывает, вырезали!»

Оглушительная тишина висела несколько минут. Я перестала дышать, закрыла глаза. И вдруг! Дикий хруст, звон... Мои новые друзья, толкаясь и падая со скамей, вытирают слезы. Какой ужас! А за спиной тоже – раскаты, всхлипы, кашель. Это слушатели – больные попадали с подоконников, ломая сирень.

Наш доктор выпрямился и провозгласил: «Ну что, наш человек? Повтори имя, по слогам». И я повторила. Он продолжил: «У нее всего два дня осталось. Что покажем? Гарни, Гегард?» И ко мне: «Завтра утром, в 8 – не рано? Мы заедем. И – спасибо за “музыку родной речи!” До завтра».

Жертва ткемали

Если ты открыт сердцем и полон ожидания чуда – с друзьями проблем не бывает. И с новыми – в том числе.

Так нечаянно познакомившись в доме Ромы с Эдуардом Никитичем, я поняла, что он – особенный. Подлинный интеллектуал и душевно тонкий человек не бывает эгоистом по определению. А внешне проявляет себя обычно едва ли не прямо противоположно. Но его «группу крови» я ощутила сразу. И не ошиблась.

А поездка с ним в знаменитые храмы древней Армении высветила еще одну истину: друзья являются не «к случаю», а даруются навсегда судьбой. И этот, даже самый недлинный праздник и подарок – на всю жизнь.

Начиналась эта блистательная поездка весьма необычно. Я не забыла фразу: «Доктор из Питера». Но спрашивать было не к месту и не ко времени.

Ранним свежим утром мы впятером выехали из города. Двое взрослых мужчин, девочка-подросток, доктор и я кружим по лабиринтам улиц. И моих спутников осеняет: а девочка завтракала? Останавливаемся у крошечного кафе. Заказ: «ткемали». В воздухе – запах мяса. И лаваша. Чай или кофе, подумала я, но смолчала. Официант поставил тарелки с пищей перед нами. И вдруг мы резко поднимаемся и уходим. Слышу тихое: «Его счастье, что с нами – гость». Ничего не понимая и вдруг смертельно проголодавшись, молчу. Трогаемся. Наконец, попетляв по горной дороге, тормозим. Выгружаемся. Ослепительная скатерть расстилается поверх какой-то шкуры прямо на земле. Под огромным деревом мы рассаживаемся и тут раздается: «Достархан». На нем появляются брынза, лаваш, холодное мясо, помидоры, огурцы, кинза, сулугуни, овечий сыр и мацони. Его буквально нарезают и кладут на плотные салфетки. Боже, как красиво! И этот стол и – главное! – панорама гор над ущельем с убегающей ввысь дорогой. Она под солнцем ослепительно бела. А отроги скал темнеют острыми сколами. Воздух быстро нагревается. Но порывы ветра с гор – блаженный бриз! Совсем как у нас под Алма-Атой. И сулугуни, и овечий сыр я вкушала впервые. И настоящий сельский мацони, что посчитала по ошибке простоквашей. И это все – домашнее, ручное, вовсе не то, что привелось пробовать с магазинных витрин.

Двое сельских эскулапов, друзей Эдуарда Никитича, наконец, представлены. Зубной врач и ветеринар. А девочку будет оперировать наш доктор. Это согласие он дал только что, здесь, за трапезой.

Тот свирепый врач, что едва не убил официанта, пожал плечами: «Муха!». Эдуард Никитич пояснил позже: «Ты – наш гость. А этот подлец принес свои «пельмени» с мухой. Вот едва и не поплатился жизнью...»

А теперь, в благостном настроении, в тени дерева, обнимающего полнебосвода, после обильной трапезы, я услышала стихи знакомые и... незнакомые. «Это – Джембыл», – закончив распевное чтение наизусть, изрек сельский эскулап, повергнув меня в шоковое состояние. «Ты не бойся, не такой уж он свирепый», – засмеялся Эдуард Никитич.

И мы тронулись в путь.

Гарни, Гегард и старая крепость

Высокогорье, знакомое с малых лет, не удивляло. Но временами, как по дороге на Большое Алматинское озеро или Иссык, заставляет сильно биться сердце и утомляет физически. Хотя красота каждого микропространства, преодоленного машиной, захватывает. Продвигаясь по серпантину в направлении Гегарда, ни на

миг не оторвала глаз от нечеловеческой мощи и красоты старых гор и разрушенных ущелий. Такой мощный поток энергии, бьющий из глубин ущелий, привелось испытать разве что на Мангышлаке! Там это оказалось следствием урановых руд, что лежат совсем близко к поверхности земли в окружении божественно прекрасных пластов горных пород – останков некогда бушевавшего здесь моря или океана.

Но здесь – совсем другая история. И крутизна дорог не вызывает ужаса: все соразмерно соотнесено природой: темные края и крохотные ленты воды глубоко внизу, узоры лесных массивов, карабкающихся по склонам, и узкие провалы пропастей без дна и звука. А над всем этим, ослепляя глаз, возносится все выше огромное солнце, затопляя все сияющим блеском. И этот воздух! О нем замороженно писали питерцы еще в начале XX века, что более нигде на свете он не встречается, он кристально прозрачен. А оттого и все краски – немыслимо яркие и близкие. Да, убедилась собственными глазами. В наших горах почти всегда едва заметная дымка даже в самую ясную погоду. Потому валеры писать нетрудно. А здесь – невероятная прозрачность, от которой порой невыносимо тяжело глазам. Зато все расстояния сдвигаются и видятся много ближе. И звонче! И наряднее! А ведь Сарьяну, впервые увидев его горы, не верили, утверждая, что он «копирует французов», «трансформирует пространство», увлекается западным стилем. Да нет, он писал очевидное. Для этого надо было – всего лишь! – родиться здесь. И видеть и любить – так! А следствие? Мир полюбил его живопись и с нею вместе – страну его. Так искусство сближает нас на всей планете.

А мне выпало счастье, видя эти блистательные ракурсы гор и неба, надышаться дивной красотой и мощью впервые встреченных памятников архитектуры древней Армении. Но прежде – великим духом жизнелюбия и упорства этого народа, победившего твердыню земли, ее камень, чтобы обрести право жить.

Мы остановились невдалеке от громады коричневой каменной горы. Пройдя несколько шагов, заметила редкие фигуры людей. Обернулась. Эдуард Никитич коротко махнул рукой вверх: «Смотри! Это – купол Гегарда». Не понимая, пыталась что-то рассмотреть. Потом быстро приблизилась к кассе и вошла – одна – в узкую высокую, как в бойнице дверь. Тишина сводов нарушилась шелестом шагов. Туристы или прихожане? Неслышно обошла вдоль стен круг здания, замечая матовый острый луч света сверху и страстно желая оказаться совсем одной. Смотрю и смотрю вверх, пока не начинает кружиться голова, а земля плыть под ногами. Касаюсь рукой стены – теплая. Оглядываюсь вновь. О, чудо! Я – одна. И поплыли строки:

«Качался воскурений дым в потоке света...»

А высоко-высоко над головой был купол, искусно вырезанный в скале, в сплошном блоке гранита, изнутри, пядь за пядью. Так, уходя от врагов и преследований, горцы Армении создавали свои храмы в незапамятные времена. Чудо длилось и длилось, а я не могла собраться с духом, дабы покинуть эту юдоль.

Наконец, ослепленная солнцем, добрела до скамьи. Затем записала эти стихи. И тут Эдуард Никитич, стремительно приблизившись, позвал за собой. Успела спросить: кто этот благообразный старик, сидящий на земле? Хрипло, но чисто он выводил высоким голосом пронзительно печальную мелодию. И как-то странно смотрел в одну точку. «Это – ашуг, он слеп».

И повел меня куда-то вверх по узкой тропе из камня. Впереди быстро поднимался некто в черном одеянии – сутане. Это мой доктор сумел его уговорить. И, внезапно остановившись, он тихо предложил: «Сюда, смотрите!» Я приникла к отверстию и онемела. Это отсюда падал тот самый солнечный луч, а здесь был слышен малейший звук снизу, в здании храма. Поразительная акустика! Вплоть до шепота! Что за гении зодчества работали здесь многие века тому назад. И снаружи распознать храм, не спутав с другой горой, нельзя. Так задумывалось при создании.

Не хотелось ни видеть, ни слышать никого и ничего. Мощное впечатление!

Но мы поехали дальше, в другую крепость-храм. Гарни. И это обилие камня, почти обращенного в осколки, поражало. Еще римляне, пытаясь взять эту цитадель, не справились. А ныне белые развалины – живое свидетельство жизнестойкости и преданности своей земле предков армян внушает не удивление, но восхищение. Чтобы добраться сюда, надобно спуститься по глубокому ущелью, перейти реку, а потом вновь взобраться на скалу и приблизиться к стенам. Врагам это не удалось. Зато туристы об этом, глядя с верха дороги, только слышат. А мне Эдуард Никитич подарил встречу воочию. Мы с ним, выйдя из машины, спустились по отрогам, перешли речку в самом узком месте и поднялись прямо к останкам некогда великолепного памятника славы. Потрогала камень и вдруг подумала: неужели все на свете бrenно? Нет, остается навеки благодарная память. А значит, жизнь.

Возвращались мы в быстро густеющих сумерках. Это был риск, но я об этом не знала. Просто мы задержались дольше, дабы показать мне главное – святыни культуры. Едва живая, вернулась, успев лишь сказать «Спасибо!» новому другу. А он, остро взглянув, бросил: «Не за что! Еще увидимся!» И это случилось через день. Но главного я тогда не поняла и не оценила в полной мере. Ведь он – живой человек! – сутки проработав в клинике, затем ночь отработав за кого-то на дежурстве, без сна и отдыха, повез меня в горы и попутно дал согласие на операцию девочке, от которой все отказались! Разве нужны комментарии?

И я безоговорочно дала согласие на встречу, отказавшись от всех других.

Разгадка. С продолжением

Только раз нам привелось поговорить и встретиться «без компании». И меня поразил совсем другой облик – утомленный, по-детски незащищенный и печальный. Такой уверенный в себе, успешный, замечательный хирург и... Он открылся, доверчиво улыбнувшись и вновь погрузнев. Назвал свое настоящее имя – Этвард Мкртыч. «Как Фрунзика Мкртчана, знаешь?» – «Ага, “Конфетку хочешь?”, да?» – «Ну-ну... Именно». И следом: «Я ведь здесь не так давно. Первая профессия – юрист. Получил в Питере. Первая жена, сын – там. Он уже большой, студент. Здесь – второй брак, дочь. Но... не все гладко. Да и на работе... Не везет мне на начальство!» – бросил с вызовом. Я рассмеялась, не выдержав: «А кому везет?» Он сразу повеселел: «А, ну если так, то все в порядке».

Не ведая, что когда-нибудь придется встретиться еще, поблагодарив за встречу, заспешила. Но он попросил задержаться, написал свои телефоны и адрес, строго сказал: «Обязательно позвони и напиши. И приезжай еще, непременно!» А следом широко улыбнулся, поднимаясь со скамейки. «Он вовсе не такой старый, как показалось вначале», – успела подумать я и уехала.

Прогулки с Ромой

Вечером, переезжая с Ромой центр города на трамвайчике, получила еще один урок. Мы спешили. И вдруг – резкий рывок, визг тормозов. Стоим. Публика волнуется. Но никто не повышает голоса, ждут. И вдруг Ромка убегает в начало салона. Потом улыбается: «Знаешь, там, извини... В общем, старушка переходила путь, ну и... Ты не волнуйся, успеем». А ведь волновалась не я. И мы тотчас тронулись дальше, с облегчением и улыбками на лицах, весь трамвай. «Вот это люди!» – обрадовалась я.

Рома признался, что сейчас, летом, дабы помочь родителям, устроился работать... на завод. И опустил смущенный взгляд. А потом, перейдя аллею, куда-то пропал.

Вернулся с букетом цветов. Затем извлек из сумки крошечный сверток. «Вдруг тебе понравится, взгляни. Сейчас». А это оказалась французская пудра и подводка для глаз. Изящные, красивые и... Боже, это же целое состояние! А он, тихо проворчав что-то, остановил мой отказ: «Это – приложение к цветам. Пойдет?» Ну, что было ответить? Приняла, вложила в сумочку и призналась, что завтра – отлет. Вечером. Он, спохватившись, засуетился. «А как же с моими, ты что же, даже не попрощаешься? Мы хотели на завтра пригласить вечером, после работы...» Я успокоила: «Ну, это же – не последний мой приезд. Еще увидимся. Кланяйся от меня и поблагодари!»

Ромка-таки выпытал время вылета и что-то бурчал, недовольный то ли собой, то ли мной, но тихо, неслышно, по-армянски. А я вспомнила его мягкое «Цава танэм!», сказанное как-то в Питере. Перевел: «Ну, это как... При встрече... Не здравствуй, а... Словом, обращение к родному человеку». И еще больше смешался. А я тотчас ответила: «Наш Олжас Сулейменов – ты его читал? – сказал: “Кружись, айналайын, Земля моя!” Айналайын – значит дорогой, родной и еще – кружусь вокруг тебя. Смысловой перевод». Мы оба с облегчением рассмеялись. «А-а, цава танэм – это то же самое, ну, надо же! Откуда такое сходство?» Вопрос повис в воздухе.

А в аэропорту, старом, маленьком, окруженном садом, мне очень понравилось. Ира сопровождала меня, сверкая громадными глазами, молча. Сумка моя была легка, еще пакет и сумочка с билетами и косметикой. Бродя по крошечным залам, удивлялась: ни суеты, ни толкучки, ни одергивающих возгласов. Дети спокойно взбираются на весы и скамьи, бегают наперегонки, хохочут, взрослые тихо и степенно рассаживаются по креслам или выходят в сад. Наблюдаю это зрелище с удовольствием, уже пройдя регистрацию: быстро, деловито, приветливо ведет себя сервис – народ. И вдруг замечаю – нет сумочки. Ира с вещами сидит в зале. Потерянно ищу взглядом: нигде не видно ее, белую, изящную, на длинном ремне. И тут с бурным приветствием врывается Рома, подлетает, подталкивая хрупкого друга: «Знакомься, он сегодня в университет поступал». А тот, пятясь, исчезает в дверях. «А ты что? Что-то случилось?» – «Да нет, только сумочка пропала. Там же билет и паспорт...» Он кинулся смотреть по сторонам и в других комнатах. А ко мне приблизилась старушка, тихо что-то говоря: «Ахчик...» и т. д. Протягивая мне на ремешке потерю. Ромка примчался и вдруг изумленно прошептал: «Надо же! Так не бывает! Ну, это только ты способна!» – и вновь исчез. А я, счастливая, подошла к Ире: «Что там объявили, не поняла». В ответ грустное: «Рейс откладывается на четыре часа. Полетишь ночью. Ну что, ко мне?» – и поднялась. А Ромка, подлец, смешался и протянул руку: «Рафик Петросян...» Мы вместе расхохотались! Но, оказалось, Ромой его зовут все, а имя – по паспорту – названо верно. Темнота спустилась быстро. Я устала. Выйдя в сад, опустилась на скамью. Рома с Ирой остались беседовать в зале. Ветер принес прохладу. Рядом сел Ромкин друг: «Я не хотел... Словом, экзамены сдал, но Ромка не знает, я не поступил. Там такая была из приемной комиссии, – и он странно взмахнул руками, хищно скрестив пальцы, – стервятник, да? Ну, словом, стерва. Вот и зарезала...» А я без промедления ответила: «А вдруг это – шанс? И целый год – совсем недолго. Вот увидишь! А профессия никуда не убежит, тем более – юриста». Он вдруг светло улыбнулся, взъерошил светлые кудри и поднялся. «Пойдем, ребята ждут. Спасибо, ахчик».

Прежде у Розы я пыталась: «Что такое “ахчик, ахчиджан”»? Все время слышу и не пойму. У меня же имя есть. И оно значит “солнечный луч”. Тогда, просияв, Роза сказала: «Это значит – “девочка, милая девочка”. И это, наверное, к тебе? Ну да, тебе же все нравится, и ты нравишься людям, вот и зовут так. А имя твое – непривычное, да и ты не всем его называешь». И я успокоилась. За ее спиной тихо улыбалась Ирка.

А дома мама всплеснула руками: «Боже! Что ты делаешь, как ты говоришь! Такой немыслимый акцент, придыхание, такие жестикуляции... И это – за 10 дней. А если бы месяц?» Я, охладев мигом, стала следить за собой. И вскоре вернулась к прежней манере вести себя. Но, боже, как заразителен этот экспансивный, жизнерадостно-бурный стиль поведения в Армении!

Но вернемся в старый аэропорт. Иру мы отпустили домой – поздно, темно, рано вставать. Нежно обнялись – впервые. Зная, что встретимся вскоре в Питере.

Сели в ночной экспресс. Друг Ромы тоже выскользнул, помахав мне рукой. Вошли в дом Ромы. Он сразу огласился воплями радости и удовольствия. Мама Ромы заставила меня наполнить пакет сливами и яблоками «из своего сада». Накормила, напоила кофе. И взяла обещание непременно приезжать – «Прямо к нам, никаких подружек!» Ромка сконфуженно улыбался. Печальный папа в ореоле серебряной шевелюры – тоже. И мы отправились вскоре обратно. По дороге книга из рук Ромы перекечевала в мои. Пролистала: «История философии» – его круг интересов. Имена Комитаса, Теряна и пр. мало понятны.

Словом, вошла в самолет и села в свое кресло. Что-то мы медлили с полетом. Вдруг в салоне возникает длинная фигура моего друга. Он странно улыбается, мгновенно склоняется над креслом: «Извини, эта книга – не моя. Я позвоню». И столь же стремительно скрывается в ночи. Что это было? Как он умудрился попасть на летное поле, подняться в самолет?

А потом мы говорили по телефону. Получала в Питере его письма, полные самоиронии и блеска. И закружилась в вихре студенческой жизни с бессонными ночами и белым светом раннего лета, с обилием непрерывных счастливых открытий. Ведь Питер с рождения был мечтой. А здешние ослепительные архитектурные шедевры, течение Невы, скульптура несравненной мощи и красоты, чудо музеев с собраниями уникальных творений великих живописцев мира, да и сама аура города, полного незримых и властных образов любимых поэтов, музыкантов, театральной элиты – все завораживало. И я, по счастью, впитывала каждой порой и сердцем это великолепие в стенах уникальной Академии, как звали во все времена, с Петербурга, эту сокровищницу знаний, населенную потрясающими личностями педагогов. По их учебникам мы сдавали экзамены, теряя головы от страха и... восхищения. А они отвечали любовью и заботой.

Ромка периодически возникал «на горизонте». Этвард Мкртыч Каманчян тоже изредка писал. Он демократично сообщил, что свадьбу Ромки сыграли пышно! Я послала поздравление с пожеланием счастья его «золотой половине». Та быстроглазая властная девушка на ночной горе разделила с ним жизнь.

Встреча в Питере вновь

А мне вспомнилось, как пригрезилось. Выписавшись из студенческой больницы, топаю по полутемному первому этажу общежития. Без лифта, желая подняться в свою комнату пешком. Слабость. И веселое настроение: скоро буду дома. Надо только авиабилеты купить. Кто-то внезапно преграждает путь. Я – в сторону. Он – вновь передо мной. Из кухни упал луч света. «Цава танэм, это ты?» И в сине-голубом, нарядный и натянутый, как струна, красивый молодой мужчина все медлит. Поднимаю голову, а он... «Я же ночью молился Богу, чтобы увидеть тебя. Уже не верил и не смог найти в деканате координат. Ты болела, да? Бледная... А я – показывает на кейс – привез кучу денег, чтобы поступить в Академию. Понимаешь? Опять – родители, помощь. Но приемная комиссия так чопорно встретила, словно я – пигмей. И я сейчас вернулся оттуда. Через несколько часов – вылет. Так что... А ты – куда?» Смотрела на Ромку,

ничего не понимая. Зачем, какие деньги? Как можно бросить мечту и повернуть назад, находясь у цели? Или есть другие? Тогда зачем сюда прибыл? Но смолчала. Мы шли по улице в сторону метро, он забежал вперед, сияя глазами: «Ну не чудо? Я тебя увидел! Да, а мама спрашивает: “Может, пошлем сватов в Алматы? Поедем сами к родителям Саулик?” И папа хотел». Он шел вперед спиной, неся наперевес мою сумку. И вдруг решительно остановился: «Мы сейчас – куда?» – «В кассу аэровокзала. А потом – на Главтелеграф, надо позвонить родителям и в Москву». Взмахнув рукой он тотчас «тормознул» такси и дал координаты водителю.

Выйдя из здания после звонков, увидела расстроенное лицо Ромки. Он остановил другое такси и дожидался меня, но какой-то самодовольный тип пытался сесть в машину. Увидев меня, замешкался. «Можно с Вами?» Я твердо ответила: «No, car is buzu» – и мы погрузились в авто. Ромка молча смотрел с заднего сиденья, то близко наклоняясь, то отстраняясь. А я, уже с билетом на руках, вовсе не склонна была к разговорам. Он решил: «Я отвезу тебя в общежитие, а потом – в аэропорт, по времени успеваю. Или?..» – «Нет, я провожу тебя, только сумку бросим». Водитель понимающе посматривал, не задавая вопросов. Там, в Пулково, Ромка, смертельно побледнев, сказал: «Знаешь, ты – настоящая. Мы ведь еще увидимся?» Быстро поцеловал мне руку и убежал.

Вновь – Ереван

Когда через пару лет, приняв приглашение подруги-сокурсницы Заремы, прибыла к ней, то через день как бы случайно позвонила после разговора с домом Этварду Мкртычу. «Ты – в Осетии? Это – близко. Можно автобусом, по Военно-Грузинской дороге, через Тбилиси. Мы встретим семьей, приезжай!» Конечно, папа моей Заремы гремел: «Зачем девочке одной ехать к армянам? Что там хорошего!» Но это – отдельная история.

Чудом взяла билет на международный автобус. «Вылет» в 4 утра. Вечером, в гостях у старшекурсников по Академии, мы смотрели живопись, их мастерские, пели и даже танцевали.

А ночью, уже на автовокзале обнаружила: билета нет. Подруга моя, смертельно побледнев, сказала: «Ну ладно, в другой раз. А то папа сердится». Рядом возник под фонарем совершенно рыжий человек. «Садитесь на мое место», – и указал на сиденья первого ряда. И подруге: «Не волнуйтесь. Довезу до места!» Потом, в Питере, Зарема смеялась: «Аслан нашел твой билет на полу мастерской».

Дорога вилась кругами или летела стрелой, по сторонам мелькали деревья, домики, скалы, ущелья. Все уснуло. Под утро успешно добрались до Тбилиси. Но почему-то не через центр, по маршруту. Деловито предложив разделить с ним трапезу, огненный водитель сказал про свой маршрут: «Так быстрее». Но я хотела позвонить друзьям! И мы продолжили путь в уснувшем автобусе. Вдруг слышу счастливый, приглушенный баритон. Явно армянская песня! Шофер, оглянувшись, поясняет: «Мы миновали границу. Вон внизу – Севан, видишь?» И добавил довольным: «Спи, ахчик, скоро будем дома».

Октемберян

На автостанции, не увидев встречающих – а мы, оказалось, прибыли на два часа раньше! – спросила Октемберян. И тотчас оказалась в автобусе, полном утомленно-добродушных соседей. Села на заднем сиденье и чуть задремала. Но увидела периодически мелькавшие за окном старые церкви, белые дома, ширь полей

под золотящимся небом. Вдруг сообразила: рядом – множество корзин со снедью и птицей, ведер, сумок. Насторожилась. Осторожно добралась до водителя, чтоб не разбудить спящих. А он по-армянски бросил через плечо: «Скоро – Октемберян». – «Но мы же уже за городом? Разве эта улица не в центре?» Он резко затормозил. В бирюзовом брючном костюме, белом кепи и пиджаке, я была явно не «абориген». И лицо – «из Японии», как объяснили мне позже.

Показав в противоположную движению автобуса сторону, сокрушенно качал головой. «Мы уже далеко. Это – в городе... Ахчиджан, как ты?» И я вышла в раскаленную слепополуденную ширь. На дороге – никого. Идя по горячей пыли, всматривалась в крытые черепицей небольшие строения за плотной оградой. Ни звука. И – никаких машин. Кто-то вышел за ворота и сказал мне: «Дочка, сейчас никто в город не поедет, только завтра». И я пошла дальше, на что-то надеясь и теряя последние силы. Скажете – чудес не бывает! А ведь меня ждали, волновались моей «потере», беспокоились. Как же теперь?

И вот посреди дороги – одинокая машина. Из-под нее видны чьи-то ноги. Останавливаюсь. Стыдясь, прошу подняться. Мужчина в пыли с черными от масла руками смотрит. И вдруг, быстро вытерев руки, садится за руль. Через три часа были в городе. От денег категорически отказался: «Гюрч!» И уехал. В темноте добралась до дома Розы. Ира моя уже там не жила, но она, сразу вызвав машину, куда-то повезла меня, едва живую. Заведя в здание, устроила в номер и, поцеловав, уехала. Крупный отель и место... Соседка проснулась, назвалась Седой: «В душе нет горячей воды, так что ложись». Но я, насквозь пропыленная и оглушенная, повернула кран в ванной. «Ура, есть!» Седа тихо засмеялась: «На твое счастье! Я уже два дня жду». После душа провалилась в сон. А было уже два часа ночи. На рассвете свирепо зазвенел телефон. И я услышала: «Девочка? Что же ты? Мы всю ночь не спали! Где ты пропала?» Ошалело сообразив, что это – голос Этварда Мкртыча, только и сказала: «А я – в гостинице». Он тотчас приехал и повез... Нет, не домой. Высотное здание, респектабельная публика, вышколенная прислуга. Это – отель Интуриста «Ани». Все сияют улыбками и ожиданием. Он, отойдя от «Reception», повел меня к лифту. Привел в номер и тихо постучал по ковролану стен: «Здесь лучше лишнего не говорить. И по телефону тоже. Ну, я – на работу. Барев, ахчиджан!» Краснея, попробовала спросить о сумме за проживание. Он побледнел до синевы: «Зачем это? Пожалуйста, прекрати! Давай располагайся! Звони друзьям, радуйся! Еще увидимся!» И удалился. Увы! Увидеться больше не получилось. Эти три дня в лихорадочном темпе мелькнули, как один час. Улетела самолетом.

Центр культуры

И был еще один прилет. «Звартноц» – название нового порта, где все оборудовано по последнему слову техники. Ромка встречал, горделиво оглядывая меня и здание: «Это наш мэр решил построить. Знаешь Орли? Так вот он захотел сделать улучшенную копию». Я ответила: «И у него получилось!» Очень пришлось по вкусу персонал: милые стюардессы и стюарды, прекрасный сервис. Профессионально и вместе с тем – душевно. После поездки в Италию на «Боинге» компании «KLM» убедилась: важнее всего – персонал. А здешние бортпроводники ничем не отличаются. В самом лучшем смысле!

Ромка явно счастлив в браке, тот же юмор, острый взгляд, раскованность движений и стройная мускулистая стать. Об Этварде Мкртыче сказал с напряжением: «У него – перемены. Новая жена – медсестра, молодая. Новое место работы. Он переживает сильно: у сына проблемы. Летал туда. Так ты знаешь? Он тебе рас-

сказывал?» Потом грустно заключил: «Ну, с тобой так всегда». С женой и дочкой в машине друга возили меня в окрестности. Удивились, узнав, что в Эчмиадзине была. Еще больше удивились, узнав, что меня встречает в своем Центре эстетического воспитания его создатель: Генрих Суренович Игитян. Ромка осторожно пытался от чего-то предостеречь. Было неловко и противно. Он что-то не то подумал. Я обрелась в отеле на краю города, дорогом, в двухместном номере. Благо, соседка приветливо опекала и заботилась. Вновь – поездки на природу, за город. Экзотические «под Африку» беседки и домики, шашлыки и песни. Поход в филармонию на органный концерт. Дивный голос заморской дивы, родом из Армении.

Но поразил лишь конгломерат талантов всех возрастов, от трех до восемнадцати лет: они пели и танцевали на площади, у памятника Давиду Сасунскому. Уникально рисовали и что-то рассказывали. Их непосредственность и счастье, бывшие ключом, заставляли взмывать радости, все это ощущать рядом, во всей красоте и силе! Люди, облепив площадь со всех сторон, счастливо шурились под солнцем, притоптывая в такт и подпевая, переглядываясь и живо реагируя на все происходящее. Поистине народное празднество!

А душа этого – искусствовед, тоже выпускник нашей питерской Академии, чудочеловек с мощным потенциалом жизни и мечты. Это он пестовал, собирал, создавал и этот центр культуры, и Музей современного искусства, и все – сам: строительство, «выбивания» материалов, встречи с художниками, выставки, поддержка юных и стариков. И писал о лучших из художников. Был обожаем всеми и не зазнавался. Особенно боготворимый молодежью, он посмеивался: пусть растут, за ними – новые поколения. Надо с младенчества растить в них любовь к прекрасному. Экзамены? Ну, для трехлетних малышей – это игра. Принимаем, конечно, всех. Но – ритуал. А старшие – с ними построже. Уже некоторые сами преподают, там же, у меня. И художники – те же дети. Ревнуют, упрекают, обижаются. Не могут повзрослеть. На то и художники. А знаешь Фрунзика Мкртчана? Я спросил: будет преподавать у меня кино? И он сразу пришел, на следующий день. Без вопросов о зарплате, о дисциплине. Просто спросил: «Где начинать? Я готов!» Вот человек, да? И художники, из именитых, пригляделись и теперь сами идут. Он смеется, откинув голову. «Думаешь, у нас все получится? Конкуренция уже дикая». Отвечаю: «И у нас такие центры необходимы. Ведь это – грядущее». Внимательно посмотрев, говорит: «Знаешь, ведь ты сама – профессионал. И должна дело делать! Твоя страна – твоя Родина – твой завтрашний день! Твой и твоего народа!» Это он мне сказал при встрече в Литве, в Паланге, на семинаре искусствоведов. Два месяца сплошного теоретического «прессинга». То есть, старожилы, в большинстве, мэтры теории искусства и Питера и Москвы, плюс профи из Литвы, Латвии, Эстонии, других малых и больших музеев и НИИ России, Баку, Туркмении, Молдовы и Украины. Я – из Казахстана, в единственном числе. И поначалу терялась в этом ослепительном созвездии. Осень, холод, приглушенные краски северного моря и почти круглосуточное «бдение» под неусыпным оком старших. Лекции, доклады, спичи, споры, обсуждения – в круговороте дней и ночей. Мне категорически не хватало времени и сил. Но держалась... Александр Абрамович Каменский, Виталий Манин, Михаил Ильич Флекель, Наталья Давыдова и Александр Морозов, Галина Васильевна Плетнева и Погосян Люся, Римкус Витенис, Кантор Карл Моисеевич, и Толстой Владимир Павлович, и Шукуров Шариф, и Раиса Акулова, и Бажанов Леонид, и Аля Ямбухтина и пр., и пр.

Там, в поездке всей нашей «команды» в Клайпеду, среди множества художников из разных стран, собравшихся на конференцию и выставку балтов, настигла меня страшная весть. Ушел из жизни сказочный художник, наш казахстанец Евгений Матвеевич Сидоркин, благодаря которому впервые в жизни я и оказалась на семи-

наре в Литве. Москвич Андрей Волков известил меня об этом легко и обыденно, а потом в ужасе носил на руках в поисках врачей. Сопровождал, сидя рядом в автобусе, едущем в Палангу. И заботливо кружил, беспокоясь, уже там. Но я напугала не только его и других старших коллег. Смертельно бледный, после отъезда «скорой помощи» явился Игитян и сдавленно спросил, желая успокоить: «Да кто он тебе, в конце концов? Не отец, не муж, не родственник. Что ты так убиваешься?» Я, пластом лежа на кровати после уколов, через силу ответила: «Он – мой Друг и Наставник. Я здесь только благодаря ему». Игитян ответил сурово: «Не только. Ты этого заслуживаешь. Ты всем интересна. Я же видел, слышал, как они принимали твои выступления о казахстанских художниках. Ну нельзя же во всем на свете винить себя! Ты – молодая!» А потом добавил с силой то, что стало главным в моем отношении к этому человеку. Тогда мне не пришло в голову, что он не только блистательный профессионал, создатель и вершитель большого дела, но – армянин. Это осознала лишь в Ереване, благодарю судьбу за встречу! А Ромкино непонимание? Он потом сожалел. И ревниво воспринял восхищение, адресованное вслух к человеку, живущему рядом. Позже понял. Но ведь лучше, чем сожаления, вовремя понятые и пережитые дела. Они дают силы и перспективу.

С Ромкой виделись позже и в Питере, и в Москве, где он жил какое-то время с семьей. Потом вернулся в Ереван.

А Генрих Суренович? Всегда в деле, в мощном круговороте работы на благо родной земли, он понял меня вполне сразу. И осчастливил своим доверием и «прочел» не сказанное на прощанье: «Ты его любишь. Он – единственный. Не оставляй его».

Ведь судьбе было угодно свести меня с любимым человеком у себя дома, в Алма-Ате. Художник из Тбилиси, с питерской школой, армянин. И – моя судьба. И – счастье навсегда.

Вот когда всплыли слова древнего армянского манускрипта: «Хорошо знайте старое и научитесь в пределах этого старого видеть то, что до вас уже видели другие. Только тогда вы начнете по-настоящему понимать существо нового в своем деле и отличать его от старого... Новое начинается на границах известного».

Да, моя Армения предстала захватывающе новым, сверкающим ослепительным блеском живым существом, близким по духу и... бесконечно знакомым, древним! И горы, взмывающие к небесам, знакомые по счастью, по родным пенатам, всегда несут радость и зовут ввысь. Они, как люди, как каждый из нас, так много в себе таят! И даруют свою совершенную красоту тем, кто к ним стремится, и поднимается, и восходит на вершины.

А храмы Армении не схожи ни с какими другими. И голос ашуга, возносящего любовь и печаль свою к родной земле, и плеск воды, и теплый камень храма дышат в унисон с моим сердцем:

«Струится воскурений дым потоком света,
И призрачная храма тишина ждала ответа
На мой немой вопрос: Что дальше? Где ты?
Мерцала солнечная пыль – подарок лета...»

Барев дзес, Моя Армения!

Окончание следует.

